

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

(к 90-летию академика Е. А. Букетова)

Жанагул ТУРСЫНОВА,
кандидат педагогических наук,
директор Государственного архива
Карагандинской области

«Казахстанцам хорошо известны имена писателя Сакена Сейфуллина, академиков Каныша Сатпаева, Евнея Букетова. Эти люди – наша национальная гордость – долгие годы третировались бывшим руководством республики. Сегодня мы с любовью и чувством неизбывной вины возвращаем народу имена репрессированных, оболганных... Да, поздно, надо было раньше, но как говорится, лучше поздно, чем никогда...».¹ Это слова Президента РК Н. А. Назарбаева, сказанные им в интервью в газете «Правда» в начале девяностых годов прошлого века, в бытность первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. И это стало началом возвращения имени Евнея Букетова родному народу.

Наиболее интенсивно казахстанская наука начала развиваться в годы Великой Отечественной войны и особенно в послевоенный период.

Дрчайшими показателем роста и расцвета науки явилось открытие в июне 1946 года Академии наук Казахской ССР. Академия располагала разветвленной сетью стационарных, научно-исследовательских баз, и одна из них находилась в Караганде.

Первым Президентом Академии наук Казахстана был выдающийся советский ученый-геолог Каныш Имантаевич Сатпаев. В своей статье «Наука в Казахстане за 30 лет Советской власти», опубликованной в Вестнике Академии наук Казахской ССР в декабре 1947 года К. И. Сатпаев дал объективную оценку казахстанской науке, раскрыл потенциал казахского народа в создании своей национальной науки.

«Если в 1941 году в Казахском филиале Академии наук СССР работало 8 докторов наук и профессоров, среди них не было ни одного казаха, то на 1 июля 1947 года в Академии наук Казахской ССР работают 84 докторов наук и профессоров, из них – 13 казахов; если в 1941 году в филиале работало 29 кандидатов наук и доцентов, из них только 5 казахов, то в настоящее время в нашей Академии наук работают 238 кандидатов наук и доцентов, из них 69 казахов. Если в 1941 году число научных работников в филиале составляло 132 человека и из них казахов – всего 21 человек, то в настоящее время общий контингент работников Академии, включая аспирантов, превышает 1000 человек, в числе которых 267 казахов.

Большая работа проделана по подго-

Е. А. Букетов со своей тетей

товке научных кадров из коренного населения нашей республики – казахов», – писал в своей статье К. И. Сатпаев.

Одним из ярчайших представителей казахстанской ученой элиты является первый ректор Карагандинского государственного университета Евней Арстанович Букетов. В течение четырех лет он работал под руководством К. А. Сатпаева и в будущем решил написать о нем книгу «Академик Сатпаев. Жизнь и деяния».²

«Букетов – способный казах, самородок. Он талантлив и труженик», – так охарактеризовал Евнея Арстановича академик АН КазССР, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор технических наук В. И. Смирнов.

Евней Арстанович Букетов родился 23 марта 1925 года в ауле Баганаты Тонкерийского района Северо-Казахстанской области. Его отличали неординарность мышления и редкая врожденная память, все его поступки были по-взрослому взвешены, обдуманно. Видимо, все эти качества он унаследовал от отца, а необычную тягу к лошадям – от дяди Маутая. В школе, где он учился, была единственная учительница, достаточно образованная и опытная. Ей не чужды были, говоря словами Пушкина, «души прекрасные порывы». Это Августина Устиновна Тарасова, которая оставила в жизни Евнея огромный след.

Трудовая деятельность Евнея Арста-

новича началась в 1941 году, он был учителем и завучем в начальных и неполных школах сел Соколовка, Ольгинка, Городец, Жалтыр и Двойники Октябрьского района Северо-Казахстанской области. В 1945 году – он уже студент Казахского горно-металлургического института в г. Алма-Ате. «В нашем народе к ремеслу инженера, особенно горно-металлургической профессии, до сих пор неоднозначное отношение, – писал в воспоминаниях Евней Арстанулы. – Бытует мнение, что профессии металлурга и горняка – опасные, добыча ископаемых и их освоение очень вредны для здоровья. Когда в 1945 году я готовился к отъезду на учебу в Алма-Ату, к нам домой приехал младший брат отца Маутай-ага и сказал матери: «Ей, Бельтай, ты знаешь, куда едет твой сын поступать на учебу?». И дядя сразу же мне: «Ты брось такую вольность, не нужно нам, чтобы ты из-под земли добывал какие-то железки, уголь и тому подобное. Как все аульные джигиты выбери себе профессию учителя, агронома, зоотехника, так что выполняй то, что я тебе сказал!» – заключил дядя. Однако мать Бельтай тут же поддержала меня: «Нет, дорогой деверь, то, что мы узнали за всю жизнь, наверно, не сравнится с тем, что он вычитывает в газетах или в книгах за один день. Не будем ему перечить, пусть сам решает. Где бы ты не находился, сын мой, будь здоров, пусть благословит твой

путь Аллах! Поручаю Всевышнему твою судьбу», – сказав так, она предоставила мне свободу выбора...».

В 1954 году Букетов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук на тему «Извлечение молибдена и его химанализ». С 1954 по 1960 гг. работал доцентом кафедры, затем зам. директора по учебной работе КазГМИ г. Алма-Ата. В 1960–1972 годы работал директором научно-исследовательского института Химико-металлургического института АН КазССР в Караганде. В 1966 году защитил докторскую диссертацию на тему «Извлечение селена и теллура из медноэлектролитных шламов» в Москве. В 1969 году он был удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники за разработку и внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате. Евней Арстанович неоднократно избирался депутатом областного совета Карагандинской области (1969, 1973–1980 гг.). С 1971 по 1981 годы – член Карагандинского обкома КП Казахстана. С 1972 по 1980 годы возглавлял Карагандинский государственный университет.

13 декабря 1983 году Е. А. Букетов скончался. Похоронен он на Карагандинском городском кладбище. Ему установлен надгробный памятник из красного гранита работы Заслуженного деятеля искусств КазССР скульптора Ю. В. Гуммеля.

В Государственный архив Карагандинской области вдовой Зубарой Дюсеновой Ундасыновой и братом Камзабаем Арстановичем Букетовым был передан личный фонд семьи Букетовых. Архив академика Е. А. Букетова представляет собой большой комплекс документов, отражающих его многолетнюю научную, общественную деятельность и литературное творчество. Первоначальную систематизацию научных и литературных трудов провела З. Д. Ундасынова. По определению декана филологического факультета КарГУ Б. Байташева: «Е. А. Букетов – писатель, в котором удачно сочетаются две языковые стихии – казахская и русская, и от этого его произведения только выигрывают, представляя синтез двух языковых систем».

Об открытиях, трудовой деятельно-

сти Е. Букетова написаны книги, очерки, статьи. Но наиболее ценными являются воспоминания земляков, друзей и учеников. Только по их воспоминаниям можно проследить, как рождался ученый ум, что помогло ему стать академиком, сделать множество открытий.

Из воспоминаний кандидата исторических наук, доцента И. С. Белетченко: «Наше сближение произошло летом 1939 года. Группу отличников учебы премировали путевками в турпоход по Алтаю. В нее вошли ученики 9–10 классов – школьные активисты. Евней был единственным «младшим» школьником, он перешел в 8 класс и путевкой был удостоен за особые успехи в учебе. Уже тогда стали проявляться его выдающиеся способности в точных науках и литературе.

В этом путешествии преобладали любознательные, но Евней чаще других обращал на себя внимание разносторонними вопросами из истории и природоведения.

Евней стремился дойти до истины, его вопросы углубляли знания за пределами школьной программы. Не все учителя были достаточно компетентны, чтобы полностью удовлетворить любопытство, не все отличались педагогическим тактом. Вот и приходилось «прорабатывать» ученика на учкоме или комсомольском комитете.

Отчетливо помню, как наш учитель литературы называл Евнея лучшим учеником. Он был единственным участником школьных вечеров, на которых читал на память поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо». Он любил Маяковского и хорошо знал его произведения. Писал сочинения в стенных газетах. Мы их называли «складными».

Е. Букетов в школьные годы много читал. Круг интересов был довольно широк – зачитывался художественной литературой, не пропускал исторические романы и исторические исследования, видели в его руках книги по естествознанию и технике. За их чтением нередко забывал про домашние задания, выручала хорошая память. Быстрее других писал сочинения и решал задачи.

Неизменный интерес вызывали новые школьные дисциплины. После первого урока он за несколько дней прочитывал

учебник, и когда учитель на уроке объяснял какой-то материал, он его уже знал. Либо задавал учителю много вопросов, либо утрачивал внимание к рассказу учителя и получал замечание.

Отличало Евнея товарищеская верность. До конца своих дней поддерживал связь со школьными товарищами, живо интересовался их делами. Судьба распорядилась так, что после окончания школы мы учились, работали и жили далеко друг от друга. Встречи были редкими, но очень теплыми и душевными».³

Из воспоминаний Елизаветы Гордевыны Корпич: «Когда я вспоминаю свою довоенную школу в Марьевке, которая так много дала нам на жизнь, то как-то незримо встают перед глазами наши добрые и талантливые учителя, а также мои сверстники по классу и школе. Учили нас великолепные педагоги, а самые лучшие черты, привитые ими своим ученикам, появились в годы войны. Это – стойкость и мужество, патриотизм. А после войны большинство выпускников тех лет стали видными людьми – комсомольскими и партийными работниками, военными специалистами, педагогами и учеными.

Среди них и сын маленького аула Баганаты – Евней Букетов. В школе его звали Женей. Он шел по школе на два класса ниже моего выпуска, но по своему умственному развитию он был выше некоторых старшеклассников. Был любознателен, много читал. Помнятся его прямолинейные и смелые выступления на комсомольских собраниях. Тогда в районе была единственная средняя школа в Марьевке. Ребята других сел, кончая семилетку, доучивались в Марьевской средней школе. Многие из них были переростки. Они жили на частных квартирах и считали себя взрослыми, проявляли лень в учебе. О таких ребятах и рассказал на одном из комсомольских собраний Евней. И тогда обидчики подкараулили его вечером и пытались запугать. Но на ближайшем собрании Евней поднялся и снова рассказал об этом инциденте. Четверо против одного. Пристыженные, они сидели молча и больше не пытались пугать Евнея, который был и меньше ростом и младше по годам.

Учился Евней успешно. Великолепно

знал русский язык и литературу, математику и физику. Был остроумен и находчив. В то время не хватало учителей, и более способные ученики были на учете. Их посылали работать в начальные и семилетние школы. Так, после 9-го класса Евней уже учительствовал. Это были первые дни войны. По заданию редакции районной газеты мне пришлось быть в Соколовке (колхоз «Красное знамя»). В этой школе работала моя одноклассница Шура Нестерова, Евней Арестович и другие.

Несмотря на свою молодость, Евней пользовался уважением в школе и селе. Потому как и подменял заболевших, и в ночную смену работал на току, вел работу среди сельской молодежи. Через год, с помощью моей сестры Анны, которая после Ленинградского института работала завучем школы, Евней экстерном сдавал на аттестат зрелости. И сдал успешно. Уже после войны он поступил в Алма-Атинский институт и тоже учился успешно.

Бывая на каникулах, Евней всегда навещал знакомых, и там, где он появлялся, всегда создавался микроклимат взаимопонимания и доброго настроения. Дорога к его восхождению в науке была нелегкой. Нужно было учить младших братьев, и добрая, уже немолодая мать с трудом сводила концы с концами, чтобы помочь одаренному сыну. Но и когда закончил вуз и успешно поднимался по служебной лестнице и связал свою жизнь с наукой, а потом стал ректором университета, он был прост с людьми, помнил своих сверстников, не терял с ними связи и готов был прийти на помощь тем, кто нуждался в этом».⁴

Директор Сергеевского историко-краеведческого музея Василий Дмитриевич Кузнецов вспоминает: «Мне довелось встречаться с Евнеем Арестовичем в эпоху нашей юности в Марьевской школе. И помню несколько необычную встречу на заседании ученического комитета. Мы внушали ему простую, всем известную истину – на уроках надо сидеть спокойно, не мешать другим. И тогда мы поняли, каких трудов стоит этому способнейшему подростку высидеть 45 минут на уроках.

Но зато у таких учителей, как Иван Антонович Трофимов, Женя Букетов был предельно внимателен. И больше того,

Иван Антонович имел обыкновение давать на дом задание воспроизвести все то, что было им сказано на уроке. И Букетов (цитирую из книги «Шесть писем другу») «самозабвенно предавался этому делу, стараясь перенести на бумагу все то, что излагал этот крепко сбитый... русский человек».

Таков, очевидно, закон сильного интеллекта: он дает о себе знать рано, он беспокоит своего владельца, прося возможность проявиться. Благо, что в Марьевской школе были толковые учителя, о которых с благодарностью пишет их ученик Букетов в своей книге. И счастлив этот талантливый человек, родившись в эпоху Советской власти, которая сразу ввела всеобщую, а позже помогла юношам и девушкам казахской национальности оканчивать вузы, вводя для них льготные условия приема.⁵

Получать новые знания, открывать для себя неизученное – это все Е. А. Букетов передал молодым пытливым умам.

«Евней Арстанович очень любил работать с молодежью. У него было много молодых учеников. Он всегда говорил: «Молодежь – это будущее науки». Работая директором института, затем ректором университета, несмотря на свою занятость административными и другими делами, Евней Арстанович умел находить время для того, чтобы проконсультировать молодых исследователей. Мы всегда восхищались тем, что Евней Арстанович умел находить время для беседы с молодыми научными сотрудниками, даже будучи ректором университета, он в каждую среду (творческий день) посвящал нам, приходил в новый корпус химико-металлургического института АН КазССР, выслушивал нас, указывал на ошибки, поощрял успехи.

Наши статьи, рукописи никогда не ждали, не залеживались у Евнея Арстановича, вносил поправки и делал ценные замечания. Работал он очень много. Для беседы по научной работе он мог вызывать

нас и в 7-8 часов утра, и в 10-11 часов вечера, и в субботу, и в воскресенье, когда, казалось бы, он должен был отдыхать. Он искренне радовался каждому авторскому свидетельству, полученному нами, каждой опубликованной статье своего ученика, зная, что это результат и признание большого труда, и каждый раз морально поощрял нас, вдохновляя на новые дела.

Евней Арстанович учил нас работать, научно мыслить. Любая беседа с ним вносила ясность в любое трудное дело и придавала уверенности. После встречи с ним мы всегда чувствовали прилив сил и бодрости.

Одной из характерных черт Евнея Арстановича была справедливость. Я вспоминаю один случай, который произошел в 1972 году. У нас возник научный спор, мы никак не могли убедить друг друга. Выслушав меня, Евней Арстанович сказал: «Ты молодец, что детально разобрался, более того не боялся спорить с научным руководителем, чтобы отстоять свою точку зрения. Помни, что в научном споре все равны, только в споре рождается истина, не надо бояться ни титулов, не регалий». И добавил: «Не ошибается тот, кто не работает и не думает». Так писал о нем его ученик – кандидат химических наук А. Баешов.⁶

Е. А. Букетов талантливо переводил произведения В. Маяковского, С. Есенина, А. Блока, С. Надсона, И. Вазова на казахский язык. На сцене республиканских театров с успехом шли исторические драмы У. Шекспира «Макбет» и «Юлий Цезарь» в его переводе. Букетов был членом Союза писателей СССР, автором оригинальных книг.

Писать о Е. А. Букетове как об ученом, мыслителе, поэте, переводчике, учителе, друге, коллеге можно много. Его невозможно охарактеризовать двумя-тремя словами. И мне кажется, что таким человеком как Евней Арстанович нельзя стать, им только можно родиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н. А. Первый секретарь ЦК КП Казахстана. Газета «Правда», 23.02.1990 г.
2. Государственный архив Карагандинской области (далее ГАКО). Ф.1484. Оп. 1. Д. 173. Лл. 1-8. Фотокопия.
3. ГАКО. Ф. 1484. Оп. 1. Д. 153. Лл. 23-26. Рукопись.
4. ГАКО. Ф. 1484. Оп. 1. Д. 153. Лл. 32-33. Рукопись.
5. ГАКО. Ф. 1484. Оп. 1. Д. 153. Лл. 64-66. Машинопись.
6. ГАКО. Ф. 1484. Оп. 1. Д. 154. Лл. 11-13. Машинопись.